

Фан Цзян подумал: если уж тебе нужно «освободиться под залог», иди к Фу Чжичжо. Ведь тот смотрел на тебя так, будто глаза готовы были выпасть из орбит.

Однако только что А-Чжо с холодным и мрачным выражением лица вышел из палаты, и без лишних слов было понятно, что их разговор не был приятным.

С одной стороны, этот молодой человек только что разозлил его друга, и сейчас, если он пойдет ему на помощь, разве это не будет подрывом авторитета друга? С другой стороны, он не мог не заметить разочарование друга, и такие вещи, как помощь для повышения симпатии, лучше оставить другу. Зачем ему вмешиваться?

Хотя по просьбе Сюй Цзиньсина он будет расследовать это дело и поможет вызволить Чэн Сяожаня, но он не будет проявлять излишнего рвения.

В итоге Чэн Сяожань получил ответ: сегодня ночью покинуть больницу невозможно, завтра, вероятно, тоже не получится, самое раннее — послезавтра.

Но как Чэн Сяожань мог ждать?

Он попросил Чэнь Синьлэй посторожить дверь, а затем достал крошечную пространственную пуговицу и извлек оттуда восстанавливающую жидкость.

Этой восстанавливающей жидкости было чуть больше восьми миллилитров, осталась она от выращивания вишни и саженцев. Он взял стакан с водой у кровати, в котором уже была теплая вода, вылил туда примерно один миллилитр жидкости, слегка взболтал, и зеленая смесь растворилась без следа.

Он медленно поднялся, опираясь на стену, и в одиночку добрался до туалета, запер дверь, запрокинул голову и выпил содержимое.

Жжение распространилось от горла до желудка, затем последовала резкая боль, боль во всем теле, особенно в ранах — это была боль от быстрого восстановления и размножения клеток. Он сдержанно застонал, стиснув зубы, одной рукой опираясь на раковину, другой схватившись за держатель для полотенец, который под его хваткой начал скрипеть и деформироваться.

Он мучился более десяти минут, прежде чем в изнеможении опустился на колени, весь в поту, будто только что вылез из воды. Придя в себя, он осторожно снял повязку с живота — разрез уже затянулся, но внутри еще не полностью зажил. Кроме того, он чувствовал себя слишком слабым, и одного миллилитра восстанавливающей жидкости было недостаточно для полного восстановления. Он предположил, что его тело слишком слабое: ведь ранее он уже выпил целую порцию жидкости, а теперь добавил еще один миллилитр. Ни сейчас, ни в будущем он не мог позволить себе больше.

Чэн Сяожань был весь в поту, но сейчас у него не было ни времени, ни возможности принять душ. Схватив полотенце, он быстро вытерся, затем вышел из туалета и достал из шкафа комплект повседневной одежды.

Это была VIP-палата, и в шкафу были подготовлены новые вещи, иначе ему пришлось бы выходить в больничном халате.

Он выбрал черный комплект повседневной одежды, прошелся несколько раз, и в зеркале его лицо, хотя и оставалось бледным, выглядело гораздо лучше, чем раньше, когда он был полумертвым. Он все так же был худым, но больше не производил впечатления, что его может

сломать малейший ветерок. Главное, его глаза были яркими и живыми.

Он открыл окно. Это был четвертый этаж, не слишком высоко, и, вероятно, никто не ожидал, что серьезно раненый пациент попытается сбежать через окно. Внизу тоже никого не было, но сейчас, ради своего сына, он был готов на этот «побег».

Чэн Сяожань легко подтянулся, запрыгнул на подоконник, затем наклонился, ухватился за водосточную трубу рядом, перевернулся, закрепился ногами и одной рукой закрыл окно, после чего, словно обезьяна, спустился с высоты четвертого этажа.

Приземлился он легко и бесшумно.

Он направился к выходу из больницы, по пути встретив несколько человек, которые явно не были ни врачами, ни охранниками, ни пациентами. Он предположил, что это либо люди Карлентона, либо люди Фан Цзяна. Он опустил капюшон, не глядя по сторонам, и спокойно прошел мимо, вышел из больницы, поймал такси и сел в него.

Фу Чжичжо, который стоял у входа в больницу и курил, чтобы снять раздражение, заметил это, сделал пару шагов вслед за такси, запомнил номер машины, задумался на мгновение, затем позвонил:

— Что там в палате?

— Ничего особенного, — ответили ему. — Женщина сидит снаружи, мужчина, вероятно, спит внутри.

Снаружи? Почему снаружи?

Значит, тот знакомый силуэт, который он только что увидел...

Фу Чжичжо даже не успел вызвать свою машину, затушил сигарету, открыл дверь такси и сел внутрь:

— Следуйте за той машиной впереди.

Чэн Сяожань быстро заметил, что его преследуют.

Сзади ехало такси, и невозможно было разглядеть, кто был внутри. Кто бы это ни был, они начали следить за ним сразу после выхода из больницы?

Он не мог не подумать о тех бандитах, которые ворвались в его дом, о том, кто, вероятно, понял, что у него был ребенок, и не был уверен, удалось ли его загипнотизировать.

— Едьте быстрее, оторвитесь от этой машины, — холодно произнес он, глядя в зеркало заднего вида, на английском языке.

Водитель дрогнул, услышав это:

— Сэр?

Чэн Сяожань улыбнулся ему:

— Тот сзади — мой воздыхатель, постоянно следит за мной, ничего страшного.

Водитель облегченно вздохнул, раз это не злоумышленник.

Но водитель оказался слишком осторожным, не мог ехать быстро и не смог оторваться. Когда они остановились на светофоре, Чэн Сяожань посмотрел на такси, отстоящее на четыре-пять машин, и вдруг сказал:

— Выходите, поменяемся местами.

— А?

Чэн Сяожань бросил на него холодный взгляд. Он не использовал гипноз или внушение, но его аура и ментальная сила были настолько сильны, что пугливый водитель тут же испугался и покорно вышел из машины.

Чэн Сяожань усадил его на заднее сиденье, сам сел за руль. Поскольку машина стояла у края, их перестановка прошла почти незаметно. Прежде чем сесть, Чэн Сяожань одной рукой прижал капюшон и бросил взгляд на такси сзади.

Хотя это был лишь мимолетный взгляд, Фу Чжичжо в машине сзади вздрогнул.

Его обнаружили.

Он следил достаточно скрытно, и на улице было полно таких же такси, как он мог его заметить?

И теперь этот малыш сам решил сесть за руль, чтобы от него оторваться?

Фу Чжичжо мысленно выругался. У него же еще не зажили раны, он даже не мог нормально сидеть, а теперь сам взялся за руль! У него не было злых намерений, он хотел лишь узнать, что он задумал, и защитить его на всякий случай.

Но он уже начал серьезно защищаться.

Прежде чем он успел что-то предпринять, загорелся зеленый свет, и такси Чэн Сяожаня рвануло вперед, как стрела.

Фу Чжичжо замер.

Вспомнив, как тот спокойно и умело покинул больницу, как ловко открыл дверь машины, как холодно и пронзительно взглянул на него издали, а затем с какой решимостью и скоростью такси унеслось вперед, его сердце забило сильнее.

Все эти картины сложились воедино, и он словно открыл для себя совершенно другого Чэн Сяожаня.

Если раньше его внешняя зрелость и внутренняя капризность и упрямство, создававшие контраст, казались лишь милыми и постепенно привлекали его, то теперь этот новый Чэн Сяожань был загадочным и таинственным. Его холодная решимость и уверенность, пронизанные непередаваемой силой, излучали невероятную харизму.

Сердце Фу Чжичжо словно слегка дрогнуло, а затем было сражено наповал. Когда через минуту водитель такси извинился, что потерял след, в груди вспыхнуло невыразимое возбуждение, достигшее своего пика.

Только сейчас он осознал, что причина всего этого — Чэн Сяожань убил одного человека и ранил другого. Раньше он не задумывался об этом, но теперь понял, что за этим скрывалось.

Он вспомнил, как при первой встрече почувствовал, что в этом малыше есть что-то странное и уникальное.

Он опустил голову и тихо засмеялся. Этот маленький негодяй, сколько всего он скрывает?

— Сэр? Продолжать преследование?

Фу Чжичжо задумчиво посмотрел в ночную тьму впереди:

— Нет, не нужно.

Но в его глазах горел острый и решительный огонь. Если раньше он еще сомневался и даже думал снова отступить, то с этого момента он точно не отпустит его.

Чэн Сяожань не знал, что сам себя раскрыл и навлек на себя непосильную ношу. Убедившись, что за ним больше никто не следует, он вышел из машины, заплатил водителю, бледному от его бешеной скорости, двойную плату, затем сел в другое такси и доехал до района, где находился его ребенок.

Он уже позвонил Сюй Цзиньсину, поэтому, когда он подошел к двери и постучал, Сюй Цзиньсин, услышав его голос, не удивился. Дверь открылась, и изнутри донесся усталый плач ребенка. Чэн Сяожань тут же растрогался.

<http://bllate.org/book/16650/1525674>